

ДОКТОР ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРАВА И.Я. ГУРЛЯНД

© 2009 г. С. А. Егоров¹

В отличие от большинства русских дореволюционных ученых-юристов административист Илья Яковлевич Гурлянд не занимался догматической разработкой права. Все его научные труды являются историко-правовыми исследованиями. Будучи студентом Демидовского юридического лицея, он выступил с солидной научной работой “Римский юрист Гай и его сочинения”², явившейся конкурсным сочинением лицеиста, которая была награждена золотой медалью. В этом труде Гай характеризуется как выдающийся систематик. Преимущество его системы перед ранее существовавшими И.Я. Гурлянд видит в том, что в ней отделено право от процесса и в самом праве различны права и защита прав. Заслугой Гая признается и осознание того, что “правовые нормы нужно квалифицировать не по внешним данным, а по внутреннему содержанию норм”³. Самую же главную заслугу римского юриста И.Я. Гурлянд усматривает в детальной разработке им выставленных в системе начал. Благодаря Институциям Гая, утверждает он, “нами приобретен целый запас совершенно новых знаний”. “В особенности это относится к учению о древнем процессе, о котором, не будь Институций, мы бы решительно ничего не узнали и который погиб бы для нас безвозвратно”⁴. Эта работа ярославского юриста является первым из написанных на русском языке трудов о римском юристе Гае.

Как удостоенный награждения медалью И.Я. Гурлянд был выпущен из лицея в 1890 г. со степенью кандидата права. Эта степень не относилась к разряду высших ученых степеней, которыми являлись магистерская и докторская, но давала право на преподавание в высшем учебном заведении. И.Я. Гурлянд был оставлен при лицее для приготовления к профессорскому званию.

С 1890 по 1904 г. он читал в Демидовском юридическом лицее курсы административного и торгового права.

¹ Доцент Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, заслуженный работник высшей школы РФ.

² Гурлянд И.Я. Римский юрист Гай и его сочинения. Ярославль, 1896.

³ Там же. С. 129.

⁴ Там же. С. 152.

В 1904 г. доктор полицейского права И.Я. Гурлянд поступил на службу в центральный аппарат Министерства внутренних дел. Являясь членом совета министра внутренних дел, он производится в действительные статские советники, а с 1907 г. руководит правительственным официозом “Россия”, входя в число ближайших помощников П.А. Столыпина. С 1915 г. И.Я. Гурлянд – директор бюро печати, с 1916 г. – глава всей информационной службы России. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию.

В период научно-педагогической деятельности в лицее И.Я. Гурлянд снискал широкую известность как исследователь институтов административного права в их историческом становлении и развитии. Крупнейшим достижением ученого является всестороннее изучение исторических аспектов организации ямской гоньбы⁵ в Московском государстве.

Этой проблеме И.Я. Гурлянд посвятил несколько статей и монографию “Ямская гоньба в Московском государстве до конца 17 века”⁶, по которой в 1900 г. защитил магистерскую диссертацию. Преимущество данной работы перед другими, посвященными тому же вопросу, в том, что в ней это учреждение рассматривалось в контексте изменений, происходивших в русском обществе и государстве со второй половины XV до конца XVII вв. В исследовании с достаточной полнотой сгруппированы основные данные по истории развития и организации ямского строя, чем восполнен значительный пробел в изучении вопроса. Выясняя ход постепенного развития ямских учреждений, их значение и организацию, И.Я. Гурлянд предпринимает попытку определить те социально-бытовые условия, которые сложились на основе этих учреждений.

Автором воссоздается целостная историческая картина ямской гоньбы. Ее история им подразделяется на три периода: 1) от второй половины XV до середины XVI вв.; 2) от середины XVI в. до Смутного времени; 3) от избрания Михаила Романова до конца XVII в. Подчеркивая недопустимость смешения издавна существовавшей на Руси подводной повинности с ямской гоньбой,

⁵ Ямская гоньба была учреждением по обслуживанию военных и дипломатических гонцов, иностранных послов и т.д.

⁶ Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца 17 века. Ярославль, 1900.

И.Я. Гурлянд обосновывает самостоятельное значение последней как организованной системы сообщения, “где ранее заготовленные подводы всегда на известных пунктах ждут требования и где существуют специальные лица, ведающие распорядок по этому делу”⁷. Хотя первое упоминание о яме относится к последней четверти XII в., т.е. в разгар татарского гнета, в ярлыке хана Монгутимира, это обстоительство, по мнению автора, не является свидетельством введения татарами ямской гоньбы. Первоначально на Руси, утверждает он, татарским словом “ям” обозначали не гоньбу по ямам, а особый сбор, налог, который платили в орду. Татарам не было необходимости вводить ямскую гоньбу. “Так как обязанность давать поводы, – пишет И.Я. Гурлянд, – была известна у нас много раньше татарского нашествия, то и нужды татар в средствах сообщения должны были найти достаточное удовлетворение в этой уже известной повинности. Татарам не было к тому же никакой выгоды настаивать на введении в русской земле регулярной гоньбы по образцу татарской, так как откуп от нее мог охватить все население, в то время как исполнение повинности в натуре осуществлялось бы и без того в виде подводной повинности, но главным образом падало бы на придорожное население”⁸. Возникновение особого ямского сбора в пользу русских князей также не дает, считает автор, основания предполагать начало регулярной гоньбы. Ее появление он связывает с объединением русских земель вокруг Москвы, с централизацией внутреннего правления. Только Иваном III, утверждает И.Я. Гурлянд, ямской гоньбе было придано административное значение и “только с этого времени она начала складываться в систему”⁹. Вводится особая должность ямского дьяка. Ямская гоньба, констатирует автор, является учреждением, созданным властью не для удовлетворения народных потребностей, а исключительно для себя. “Вместе с тем, – подчеркивает И.Я. Гурлянд, – нельзя не отметить, что ямская гоньба, развивавшаяся, очевидно, на почве подводной повинности, но получившая затем самостоятельную историю, отнюдь не сделала подводную повинность излишней”¹⁰. Последняя, согласно приводимым автором данным, еще в XVII в. дополняла ямскую гоньбу, иногда шла параллельно с ней. И.Я. Гурлянд рассматривает ямскую гоньбу как значительный шаг вперед с точки зрения управления, так как с ее введением достигались быстрота и правильность сношений, что представля-

ется весьма важным для целей управления. Однако, по мнению населения, ямская гоньба – обременительная повинность, тяжким бременем ложившаяся на его плечи. Свообразие рассматриваемого периода в истории ямской гоньбы состоит, как указывает автор, в том, что во главе ямов стояли ямщики как должностные лица, которые ведали распорядок по гоньбе. Сама же гоньба велась населением. Каждое селение, расположенное в районе яма, было обязано давать определенное количество подвод, стоять на яму с подводами.

Основное отличие второго периода в истории ямской гоньбы, согласно исследованию И.Я. Гурлянда, выражалось в том, что население сделалось обязанным выставлять на ямы по сошному разводу не подводы, а людей, которые гоняли гоньбу за поставивших их. Эти люди получили название ямских охотников. Они выставлялись населением на более или менее продолжительный срок, а иногда и бессрочно. За счет этого изменения “весь ямской строй получил совершенно иную организацию”¹¹. Началось устройство приезжих дворов и ямских слобод. Делалось это в соответствии с правительственными предписаниями, во исполнение которых местной администрацией выделялись специальные стройщики. Иногда они присылались непосредственно из Москвы. Ямская слобода представляла собой искусственно созданную общину, которая состояла из определенного числа служебных и хозяйственных единиц, называемых вытями, паями. При общественной разверстке земель каждому охотнику выделялся в качестве пая определенный участок, которым он мог пользоваться, пока несет службу. Во главе слободы стояли два лица: приказчик и староста. Первый назначался правительством и был его представителем в слободе, осуществлял общее наблюдение за ходом дел, прописывал подорожные. Внутренним распорядком ведал староста, избиравшийся охотниками. Как установил И.Я. Гурлянд на основе изученных актов, первые ямские слободы были устроены в 1560 г. в Новгороде и Пскове, а в 1565 г. – в Ярославском и Ростовском уездах.

В третьем периоде истории ямской слободы, наступившем после Смутного времени, в которое ямской строй пришел в полный упадок, ямские охотники переводятся на жалованье, выплачиваемое Ямским приказом из ямских денег, собираемых с населения. Последнее освободилось от обязанности выставлять охотников, но не от подводной повинности.

Не менее научно значимы исследования И.Я. Гурлянда по истории приказного строя в

⁷ Там же. С. 28.

⁸ Там же. С. 39–40.

⁹ Там же. С. 48.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 85.

России¹². О приказе сыскных дел, занимавшем в XVII в. важное место в системе органов управления Московского государства, в исторической литературе содержались лишь отрывочные и зачастую неточные сведения. На основе анализа архивных материалов ученому удалось с полной определенностью установить, что приказ этот был учрежден Земским собором в 1619 г. по инициативе патриарха Филарета для защиты населения от произвола со стороны “сильных людей”, т.е. знати. В подтверждение своей точки зрения им приводятся тексты ряда окружных грамот, в которых получили изложение решения Земского собора. В одной из них содержится следующее соборное определение: “А на сильных людей, во всяких обидах, велели есмя сыскивать и указ по сыску делати боярам своим князь Ивану Борисовичу Черкасскому да князь Данилу Ивановичу Мезецкому со товарищи”¹³. Сам факт назначения на управление приказом знатнейшего из тогдашних бояр князя И.Б. Черкасского, считает И.Я. Гурлянд, свидетельствует о важности порученного ему дела. В последующем назначавшиеся начальниками этого приказа бояре М. Шеин, С.В. Головин, Б.М. Лыков, Ю.Я. Сулешев были влиятельнейшими людьми своего времени, пользовавшимися к тому же особым расположением патриарха Филарета.

По общему правилу значение приказа адекватно местнической значимости возглавлявшего его лица. Учреждение приказа сыскных дел было продиктовано необходимостью водворения порядка в государстве, расшатанного Смутным временем, войнами и своеволием бояр.

“Возвратясь после продолжительного плена на родину, – писал И.Я. Гурлянд, – Филарет застал страну в состоянии полного разорения. Города и села запустели; в платежах давала себя знать ощутимая убыль; между населением и государством стояли сильные люди”¹⁴. Запустение городов и убыль в платежах во многом были связаны с тем, что многие посадские люди, покидая посады, закладывались за крупных феодалов, как светских, так и духовных, в результате чего освобождались от тяглого обложения и государственной городской службы. Поредевшее посадское население стало не в состоянии нести на своих плечах груз государевых повинностей. Поэтому вопрос о борьбе с закладничеством выдвигался, подчеркивает И.Я. Гурлянд, в число наболевших вопросов времени.

В одной из окружных грамот говорилось, что “многие люди бьют челом на бояр и всяких людей в насильстве”. Своеволие сильных людей, отмечает автор, вело к обессилению государственной власти, поэтому с ее стороны постоянно предпринимались определенные шаги по наведению порядка в плане защиты населения от притеснений в целях обеспечения торжества собственно государства. Борьба с произволом сильных людей становится одним из главных направлений политики московского правительства. “На смену случайным мероприятиям, полумерам, – пишет И.Я. Гурлянд, – выдвигается определенный план действий”¹⁵. Осуществление этого плана было возложено на вновь созданное учреждение, которое, выполняя поручения, непосредственно исходившие от царя, патриарха и Боярской думы, могло действовать более повелительно, нежели другие приказы. Но главным “направителем” приказа на обуздание сильных людей, постоянно подчеркивает автор, был Филарет, согласно воззрениям которого противостояние сильных людей государству – “один из важнейших показателей государственного нестроения”¹⁶.

Докторскую диссертацию И.Я. Гурлянд защитил по вышедшей в 1902 г. монографии “Приказ великого государя тайных дел”¹⁷, которая посвящена исследованию вопросов, связанных с определением исторического места и значения учреждения, основанного царем Алексеем Михайловичем и с его смертью прекратившего свое существование. До И.Я. Гурлянда эта проблема не была предметом специального научного рассмотрения, хотя о самом тайном приказе много самых разноречивых упоминаний как в юридической, так и в исторической литературе. Преобладали воззрения на это учреждение как на орган инквизиции, как на начало тайной полиции в России¹⁸. Тайная роль приказа определялась больше по впечатлению, чем на основе документов. В монографии показано подлинное назначение приказа как органа надзора за всей системой управления, возглавлявшейся непосредственно царем. Его создание рассматривается как шаг к сосредоточению всего управления в руках царя, как посягательство на прерогативы Боярской думы. Приказ назывался тайным потому, что дела решал тайно, без ведома Думы. Основным помощником царя по руководству этим учреждением был тайный дьяк.

Также исторически И.Я. Гурляндом исследуется “переходящий из века в век” институт patro-

¹² См.: Гурлянд И.Я. Приказ сыскных дел // Сборник статей по истории права, посвященных М.Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями. Киев, 1904.

¹³ Там же. С. 11.

¹⁴ Там же. С. 92.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 94.

¹⁷ Гурлянд И.Я. Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902.

¹⁸ См.: Гурлянд И.Я. Приказ сыскных дел. С. 94.

ната¹⁹. Применительно к Древней Руси он усматривает в идее патроната “корректив так называемого изгойства”, представлявшего собой исключение из “среды общины, сидевшей на земле и пользовавшейся самоуправлением, отдельных членов”²⁰. Будучи взятыми под покровительство (патронат) церкви, изгои, состоявшие вне всяких общественных отношений и являвшиеся несчастнейшими людьми, обрели более прочное положение. Расходясь с господствующим мнением, И.Я. Гурлянд значение патроната придает широко распространенному в удельно-вечевой период закладничеству. По мнению большинства ученых (в их числе Н.М. Карамзин, А. Рейц и К.А. Неволин), закладничество – нахождение лица в закладе, т.е. обеспечение долга личностью должника. Так, А. Рейц считал, что закладник (закладень) есть заложник по закладному контракту, а К.А. Неволин отождествлял его с закупом. Согласно же точке зрения И.Я. Гурлянда, закладники этого периода – “люди, вошедшие в зависимость во имя защиты, предавшиеся кому-либо для получения от него защиты”²¹. Не случайно, отмечает автор, закладывались они князьям и княжам людям, а не просто состоятельным лицам. Не случайно и то, что новгородцы запрещали князю брать закладников в городе. “Путем привлечения закладней, – пишет И.Я. Гурлянд, – как некогда патриции путем увеличения числа клиентов, князь, княгиня и мужи их приобрели бы особую силу в Новгороде, а, оберегая вольности свои, новгородцы не могли мириться с таким положением. Этим подрывалась идея новгородского гражданства”²².

Закладничество имело в тот исторический период, делает вывод автор, “не столько имущественный, сколько политический характер”. Заклаживались тогда за более сильного, чтобы пользоваться его покровительством, а в возмещение его “патронируемый закладень приносил свою службу и благодарность, неся, следовательно, юридические обязанности уже не по отношению к государству, а по отношению к патрону”²³.

И.Я. Гурляндом прослеживается перерождение института закладничества по мере усиления государственной власти. Он выражает согласие с предположением Б.Н. Чичерина о развитии из закладничества в московский период кабального холопства. Московские власти, по его мнению, проявляли нетерпимое отношение к закладничеству, поскольку в лице закладников государство

некоторым образом теряло своих подданных. Поэтому Уложение 1649 г. господину, принявшему закладника, угрожало конфискацией земель (ст. 13 гл. XIX).

В 1904 г. на археологическом съезде в Твери И.Я. Гурляндом был сделан интересный доклад, посвященный исследованию вопроса об истории заселения татарами исконной русской местности. Факт существования татарской колонии в городе Романов и Романовском уезде давно обращал на себя внимание историков. В науке утвердилась точка зрения относительно того, что господствовавшие в этой местности татары осели здесь во времена татаро-монгольского ига, приняв позднее подданство Московского великого князя. Ярославский ученый на основе тщательного изучения архивных материалов пришел к иному выводу. Согласно его документально обоснованной версии в городе Романов и его уездах Иваном IV были поселены татарские мурзы – выходцы из Ногайской орды с их служилыми татарами. В архивных материалах значится, что в 1563 г. к Ивану IV явились и благосклонно были им приняты ногайские мурзы: Ибрагим-мурза и Иль-мурза. С ними прибыли многие их служилые татары и два двоюродных брата названных мурз: Алей-мурза и Ойдах-мурза. Царь им пожаловал под условием несения службы (выставления отряда в 225 воинов) город Романов со всеми доходами и рядом дворцовых сел в Романовском уезде. Конечно, после крушения более чем двухвекового ига жестоко было со стороны царя поставить вновь русских людей под столь ненавистное им господство татар, но правительство меньше всего беспокоили оскорбленные чувства подданных. Группы населения преимущественно ценились тогда государством по их служебной годности и готовности. “Если определять резкими чертами, то романовцы более нужны как фонд, на который можно содержать очень полезный военный отряд”²⁴. Царь предоставил принятым под свою руку мурзам, как отмечает Гурлянд, полную власть над их служилыми татарами. Мурзы ведали этих татар во всех вопросах, верстали их поместьями и денежными окладами уже от себя, “кто чего достоин”.

Иван IV завещал сыну Федору держать город Романов под ногайскими мурзами. Царь Федор Иванович не нарушил воли отца и даже добавил мурзам новые дворцовые села в Романовском уезде. Селами и деревнями, устанавливает И.Я. Гурлянд, первоначально владели только мурзы. Служилые татары имели во владении лишь усадьбы и пахотные угодья, которые обрабатывались латышами, т.е. переселенными сюда пленниками, взятыми во время Ливонской войны.

¹⁹ См.: Гурлянд И.Я. Идея патроната как идея внутреннего управления. Ярославль, 1898.

²⁰ Там же. С. 36.

²¹ Там же. С. 147.

²² Там же.

²³ Там же. С. 149.

²⁴ Гурлянд И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары (Из трудов Тверского археологического съезда). Тверь, 1904. С. 6.

Крестьянами, которые жили в селах и деревнях, владели только мурзы. Последние жили в уезде, но имели дворы в самом Романове. Дворы в городе имели и служилые татары. Судили татар их мурзы. Если возникали судебные дела между посадскими людьми и татарами, то в качестве судьи выступал воевода, но в отправлении правосудия участвовали и “лучшие из мурзинных людей”.

Один из мурз, старший в роде, считался главным мурзой. Служилые татары находились в ведении Посольского приказа, но сносились с Москвой только через своих мурз.

Татары чувствовали себя в городе и уезде господами положения, “при этом, по всем данным, необузданными и часто жестокими”. Известно, что начиная с 1593 г. мурзы стали раздавать своим татарам за службу не только усадьбы и пашни, но и крестьян.

Татары угнетали романовцев, констатирует ученый, не только экономически, но и духовно. Они постоянно жестоко оскорбляли религиозные чувства русского населения. У храмов татары строили свои дворы, татарчата во время службы затевали на папертях шумные игры, бросали в церковь камни, стреляли в кресты из луков, “попов лаяли и позорили”. А “которые попы в мурзинных поместьях, – сообщал один из обнаруженных автором документов, – теми мурзы и татарове владеют как прочими своими людьми”²⁵. Своих

православных слуг татары заставляли в пост есть кобылятину, а которые жаловались властям, тех нещадно били. Да и некому было жалобщиков защитить, пишет И.Я. Гурлянд, поскольку романовский воевода, по сути, являлся агентом татарского режима. Не только фактически, но и юридически, приходит к выводу исследователь, в городе и уезде правили ногайские мурзы. Московские власти сквозь пальцы смотрели на бесчинства татар, исправно несших военную службу.

Ослабление татарского режима И.Я. Гурлянд связывает с выходом в 1614 г. воеводского наказа, которым было изменено юридическое положение мурз поставлением их под власть царского воеводы. Согласно изысканиям ученого в конце XVII в. татарская колония в Романовском уезде прекратила свое существование. Служилые романовские татары были обращены в православие. Часть из них покинула эти земли.

В ярославский период жизни научно-педагогическую деятельность И.Я. Гурлянд успешно сочетал с занятиями литературой и публицистикой. Им были опубликованы (в основном в столичных журналах и газетах) сотни рассказов, очерков, репортажей и рецензий. В конце 90-х годов XIX в. в Москве вышли его пьесы: “Каприз”, “Карьера” и “Особый мир”. Но если литературные сочинения И.Я. Гурлянда преданы забвению, то его научные труды продолжают жить и вызывать исследовательский интерес.

²⁵ Там же. С. 7.